

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-109-118

**КОНСТРУИРОВАНИЕ БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА:
ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

И. В. Казаков

Казаков Илья Викторович, аспирант Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва, ассистент кафедры иностранных языков для нелингвистических направлений, Псковский государственный университет, Россия.
E-mail: i.v.kazakov@list.ru (ORCID: 0000-0003-2673-8161).

Аннотация

Дискурсивная реальность брексита влияет на британскую национальную идентичность, в том числе в дискурсе премьер-министров от Консервативной партии Великобритании, который особенно важен в связи с ее ключевой ролью в процессе принятия политических решений. Рассматриваются составляющие британской национальной идентичности в связи с членством Британии в Европейском союзе и брекзитом как политическим процессом. Членство в Европейском союзе оказывает бесспорное влияние на национальную идентичность в государствах-членах, но случай Британии особенный, поскольку впервые позволяет проследить, как идентичность трансформируется в процессе выхода из этой интеграционной группировки. В статье применяется конструктивистский подход в политических науках и постпозитивистский дискурс-анализ как основной метод. Проанализировано изменение дискурса трёх последних премьер-министров: Дэвида Кэмерона, Терезы Мэй и Бориса Джонсона. Для этого изучены тексты выступлений политиков-консерваторов. Выделены слои дискурса – базовые концепты, базовые политические ориентации и исходные идеологические конструкции, применяемые политиками-консерваторами для конструирования реальности. Рассмотрено, как исходные идеологические конструкции, на которых строится дискурс премьер-министров, менялись от экономического либерализма в сторону усиления позиций экономического национализма и популизма, и соответствующим образом изменялась значимость отдельных элементов британской идентичности в дискурсе. Дан анализ взаимосвязи британской и европейской идентичности, образов Британии и Европейского союза в дискурсе британских консерваторов.

Ключевые слова: дискурс; идентичность; Консервативная партия; репрезентация; Британия; Европейский союз; брекзит.

В связи с брекзитом политиками, журналистами и исследователями часто поднимается вопрос о британской национальной идентичности. Ее определение тем или иным образом позволяет выстраивать аргументацию в поддержку решения о выходе из Европейского союза или против такого решения, а также помогает политикам в спорах о частных аспектах брексита как процесса. В связи с этим понятно повышенное внимание к вопросам национальной идентичности в британском дискурсе последнего времени. Некоторые исследователи рассматривают брекзит как один из признаков нового подъема популизма в Европе и в мире. Например, этой теме посвятил несколько статей директор Института Европы РАН Ал.А. Громыко (Громыко, 2016; Громыко, 2017 и др.). Из зарубежных исследований назовем труды П. Норрис и Р. Инглхарта (Norris & Inglehart, 2016; Norris & Inglehart, 2019).

В последние годы интерес общественных наук к исследованию популизма значительно возрос. Термин «популизм» широко используется и широко оспаривается. В данной работе мы применяем определение, которое предложил К. Мудде, один из крупнейших исследователей радикальных течений: «[Популизм] – это <...> идеология, которая считает общество в конечном счете разделенным на две однородные и антагонистические группы, "честный народ" против "коррупцированной элиты", в которой утверждается, что политика должна быть выражением общей воли народа» (Mudde, 2004).

Говоря о национальной идентичности, в данной статье мы опираемся на теоретические наработки последних десятилетий в русле парадигмы конструктивизма и исходим из базового положения конструктивизма в политических науках, заключающегося в том, что политическая реальность не является непреложной данностью и вещью в себе, а становится результатом идейного конструирования людьми, задействованными в политическом процессе. Политические акторы формируют дискурс вокруг проблемных политических вопросов, таких как вопросы государственной политики на международной арене, строительство национальной идентичности и др. Эта предпосылка позволяет объяснить вариативность поведения государств, ведущих себя по-разному в, казалось бы, одинаковых политических условиях, а также такое поведение политических акторов, которое не укладывается в позитивистские концепции.

Вслед за Р. Водак, одной из наиболее заметных современных исследователей идентичности, которая называет несколько исходных положений в предисловии к коллективной монографии «The Discursive Construction of National Identity» (The Discursive Construction of National..., 2009: 3–5), и другими конструктивистами мы истолковываем понятие нации как воображаемые общности, ментальные конструкции, воспринимаемые своими субъектами как реальные и четко очерченные. Мы предполагаем, что национальные идентичности производятся и воспроизводятся, трансформируются и демонтируются – *дискурсивно*.

Национальные идентичности предполагают наличие идей и концепций, подходов и отношений, общих для коллектива людей, разделяющих ту или иную идентичность. Эти идеи и подходы распространяются и поддерживаются через систему образования, политическую систему государства, медиа-систему и многое другое. Важная особенность национальной идентичности – акцентирование отличий своей нации от прочих и однородности внутри нации, а также игнорирование различий между разными группами внутри нации. В дискурсивном подходе считается, что нет и не может быть *одной* национальной идентичности. Различные идентичности конструируются исходя из контекста, аудитории и коммуникативных задач. В дискурсе также выделяются ключевые тематические области, по которым тоже наблюдается расхождение взглядов на идентичность: представления о нации в прошлом, настоящем и будущем, об общей культуре, территории и облике человека, принадлежащего к нации. Мы, кроме того, исходим из того, что национальная государственная политика и национальная культура тесно переплетены, и в анализе дискурса следует уделять внимание и тому, и другому.

Эти исходные предпосылки применяются к дискурс-анализу, проведенному нами в отношении британской национальной идентичности в связи с брекзитом. Мы исследуем, как на британскую национальную идентичность влияют вопросы европейской интеграции и выхода из Евросоюза. Членство в Евросоюзе оказывает бесспорное влияние на национальную идентичность в государствах-членах, но случай Британии особенный, поскольку впервые позволяет проследить, как идентичность трансформируется в процессе выхода из интеграционной группировки. В данной статье мы сосредоточимся на динамике дискурса Консервативной партии о британской идентичности в связи с брекзитом. Как правящая партия, Консервативная партия Великобритании оказывает определяющее влияние на формирование государственной политики. В то же время значение дискурса этой партии недооценено в современных исследованиях. Мы покажем, как длительный процесс выхода Британии из Евросоюза сопровождался серьезными изменениями партийного дискурса.

Материалы и методы

Дискурс-анализ, основной метод в данной статье, методологически основан на монографии К. Данна и И. Нойманна, в которой он рассматривается как один из ключевых методов конструктивистского исследования. Авторы определяют дискурсы как «системы, создающие набор утверждений и практик, в результате институционализации воспринимаемых как норма, которые конструируют реальность своих субъектов и поддерживают определенную степень упорядоченности в наборе социальных отношений» (Dunn & Neumann, 2016: 22). Дискурс-анализ «влечет за собой изучение того, как и почему вещи выглядят так, как они выглядят, и как [в результате этого] определенные действия становятся возможными» (Ibid.). Значимые лингвистические знаки или тропы К. Данна и И. Нойманна называют *репрезентациями*. Это позволяет не забыть о том, что подобные знаки конструируются субъектами для репрезентации своего понимания реальности. Когда люди, разделяющие общие репрезентации, объединяются по этому принципу в группы, они тем самым занимают позиции. Как и репрезентации, позиции могут быть доминирующими или маргинализованными в разной степени. Когда мы говорим о политике, важно понимать, что репрезентации и позиции имеют тенденцию к *институци-*

лизации, которая может проявлять себя, в том числе, через участие определенных идей в формировании государственной или партийной идеологии.

Для адекватного дискурс-анализа часто приходится выходить далеко за пределы рассматриваемого текста. Как пишет один из теоретиков метода Л. Хансен, «важность концептуальной истории не только в том, чтобы провести сравнение с прошлыми дискурсами, но также и в том, чтобы осуществить генеалогическое прочтение [текста], которое прослеживает построение настоящего понятия в историческом прошлом, чтобы понять, когда и как оно было сформировано, а также как оно преуспело в маргинализации других представлений» (Hansen, 2006: 53). Этот подход важен для нас, так как мы не только выявляем идеи и кластеры идей в дискурсе консервативных премьер-министров относительно национальной идентичности, но и интерпретируем их с точки зрения исторического происхождения.

Центральная для нашего дискурс-анализа методика – то, что К. Данн и И. Нойманн называют «инвентаризацией репрезентаций». Ее суть в том, чтобы определить доминирующие в дискурсе и альтернативные (маргинализованные) репрезентации, а затем оценить степень представленности тех и других и их относительную значимость. Следующий этап – выделение в дискурсе смысловых слоев – достигается через объединение повторяющихся репрезентаций в логические категории. Вслед за Нойманном мы выделяем три слоя смыслов в дискурсе. Первый слой – базовые концепты (государство, страна, народ и т.д.). Второй – базовые политические ориентации (изоляция, сотрудничество, интеграция и т.д.). Третий – конкретные исторические примеры, в нашем случае – политические идеологии, объединяющие репрезентации (британский империализм, экономический национализм, экономический неолиберализм и т.д.). Выяснение отношений между элементами третьего слоя – последний пункт дискурс-анализа, из которого следуют основные выводы работы.

Эмпирические данные, используемые в работе, – тексты выступлений премьер-министров от Консервативной партии: «Европейская» речь Дэвида Кэмерона, в которой он заявил о необходимости провести референдум о выходе Британии из Евросоюза¹; речь Терезы Мэй, в которой она сформулирована план по выходу Британии из Евросоюза²; речь Бориса Джонсона, в которой он выражает свои взгляды на брекзит³. Их выбор обусловлен тем, что в них можно найти возможно более полную репрезентацию позиций премьер-министров от Консервативной партии по вопросам национальной идентичности в связи с брекзитом.

Дэвид Кэмерон подробно и последовательно развивает в своей речи идею необходимости референдума о выходе Британии из Евросоюза с точки зрения своей идеологии. Здесь эта идея впервые была подробно обоснована, избирателям был обещан референдум, и эта речь много цитировалась в науке и публицистике. В речи Терезы Мэй сформулирован план правительства по переговорам с Евросоюзом об условиях выхода Соединённого Королевства из Евросоюза. Тереза Мэй подтверждает в этой речи свою приверженность выходу Британии из Евросоюза и выдвигает принципы, на которых будет базироваться переговорная позиция Британии, а также обосновывает эти принципы и сам выход из Евросоюза. Речь Бориса Джонсона была произнесена за год до того, как он стал премьер-министром. Мы выбрали эту речь, поскольку в ней Борис Джонсон наиболее последовательно и детально излагает свои взгляды относительно брекзита. Переговоры по брекзиту к моменту произнесения речи шли уже некоторое время, и британское общество имело возможность переосмыслить свои политические взгляды, отношение к ведущим политикам и политическим партиям.

Все три речи активно цитируются, и именно в них содержится обоснование тех или иных позиций британских консерваторов по вопросам выхода Британии из Евросоюза. Представители Консервативной партии, составляющие британское правительство, на практике определяют политику Великобритании в отношении брекзита и государственную позицию на переговорах с Европейской комиссией. Речи политических деятелей партии представляют собой составную часть дискурса Консервативной партии и в этом качестве конструируют политическую реальность не только для партии, но и для всего Соединенного Королевства. Названные тексты позволяют в исторической ретроспективе выстроить логику развития этого дискурса.

¹ David Cameron's EU speech (2013), 23 янв. [online]. Available at: URL: <https://www.theguardian.com/politics/2013/jan/23/david-cameron-eu-speech-referendum> (Accessed: 21.05.2020).

² Theresa May's Speech Laying Out the UK's Plan for Brexit (2017), 17 янв. [online]. Available at: URL: <https://time.com/4636141/theresa-may-brexit-speech-transcript/> (Accessed: 21.03.2020).

³ Boris Johnson's Brexit speech (2018), 14 февр. [online]. Available at: URL: <https://www.spectator.co.uk/article/full-text-boris-johnson-s-brexit-speech> (Accessed: 21.03.2020).

Целевая аудитория этих речей – самая широкая, это британские избиратели. Рассматривать тексты, направленные к более узким группам, представляется менее полезным, поскольку они зачастую не оказывают прямого влияния на политический процесс и менее репрезентативны с точки зрения содержания в них отсылок к идеологическим конструкциям.

Результаты анализа

В фокусе нашего анализа находились дискурсивные репрезентации британской идентичности в контексте брекзита. Такие репрезентации можно описать как представление говорящего о некоей реальности. Значение при этом имеют те репрезентации, которые, во-первых, имеют отношение к задачам статьи, и во-вторых, обладают некоторой идейной направленностью (то есть потенциально существуют другие репрезентации того же предмета или явления). Так, репрезентация «Европейского союза» интересна не сама по себе, а только в контексте той оценки, которую дает говорящий.

Мы разделяем три уровня репрезентаций. Первый – базовые элементы представлений говорящего о реальности («народ», «нация», «государство» и т.д.). Второй – представления о конкретных политических подходах, таких как «изоляция», «сотрудничество», «интеграция». Говорящий может по-разному относиться к этим вариантам практической политики. Мы можем наблюдать, как одну и ту же политику практикуют представители противоборствующих идеологических школ, и наоборот, как представители одной школы прибегают к разным вариантам политики. Третий уровень – комплексные идеологические представления, конструирующие дискурс. Основные из них мы обозначаем как «экономический либерализм», «экономический национализм» и «популизм». Популизм мы уже определили выше, теперь скажем подробнее, что мы понимаем под экономическим либерализмом и национализмом.

Экономический либерализм мы, как и другие исследователи, понимаем как стремление «распространить влияние принципов, положенных в основу свободного конкурентного рынка, на все сферы жизни, включая экономику, политику и общество» (Springer et al., 2016), как «идеологию, которая одобряет и обосновывает государственный интервенционизм, а также стремление к национальному контролю над экономикой, рынками труда и капитала» (Gilpin, 1987: 31–34). Это синонимично понятию «неолиберализм» и в современном виде сильно отличается от классического экономического либерализма 1930-х гг.

Выделив в тексте репрезентации каждого уровня, мы затем реконструируем и интерпретируем общие смыслы, делая выводы относительно репрезентаций третьего уровня, которые имеют особое значение для данной статьи. При этом наш подход является интертекстуальным, что означает нахождение связей между текстами, общего и различного в них.

Репрезентации первого уровня, или базовые концепты, которые важны для всех премьер-министров в названных выступлениях и к которым они постоянно обращаются: *Европа, война, мир, дружба, будущее, свобода, демократия, Европейский союз, благосостояние, экономика, рост, народ, нация, государство, независимость, суверенитет, стабильность, история, открытость, парламент, налоги, траты, гибкость, разнообразие, власть, легитимность, рынок, регулирование, мандат, договор, иммиграция.*

Репрезентации второго уровня, или базовые политические ориентации, которые можно выделить в этих речах, – *экономика роста, конкуренция, практицизм, сотрудничество, свободная торговля, протекционизм, изоляционизм, интеграция, централизация, децентрализация, гармонизация.*

Репрезентация третьего уровня, или базовая идеологическая конструкция, которую все они используют, – *экономический либерализм.*

Здесь общее в рассмотренных текстах, по существу, заканчивается, и начинаются различия. Каждый из говорящих по-своему интерпретирует перечисленные концепты, и некоторые из них добавляет свои, полностью отсутствующие у других. Сразу скажем о значимых различиях в том, что касается репрезентаций третьего уровня, или идеологических конструкций, из которых вытекают дальнейшие рассуждения. Интересный вывод заключается в том, что экономический либерализм, который доминировал в объяснении реальности в речи Дэвида Кэмерона, хотя и продолжает занимать некоторое место в речах последующих премьер-министров, все же уступает значительное место в начале экономическому национализму в речах Терезы Мэй, а затем и популизму в речах Бориса Джонсона. Эти различия определяют многие другие различия в том, каким именно образом премьер-министры предпочитают объяснять реальность и интерпретировать другие репрезентации.

В рамках статьи сложно рассказать обо всех различиях в интерпретации одних и тех же вещей разными политиками, поэтому для примера мы сосредоточимся на одной из самых важных репрезентаций – на репрезентации *Европейского союза*.

Европейский союз в речах Дэвида Кэмерона многомерен. Иногда премьер-министр говорит о нем в том виде, в котором он существует сейчас, и этот образ негативен. Иногда он говорит о роли Евросоюза в историческом прошлом, и этот образ скорее позитивен. В других случаях он говорит о Евросоюзе будущего, и этот образ распадается на две потенциальные возможности, в зависимости от того, какой путь развития станет определяющим для интеграционного блока. Кэмерон выражает надежду, что Евросоюз будет реформирован в соответствии с его предложениями. Если это произойдет, то Евросоюз станет, согласно предположениям Кэмерона, позитивным фактором развития Британии и всех стран Европы. Но Кэмерон в то же время отмечает, что очень вероятным является не только сохранение статус-кво, но и дальнейшее движение Евросоюза по неверному пути, который приведет к печальным последствиям, что едва ли совместимо с представлениями британцев о правильном порядке вещей.

Это подводит к рассуждению о *конкуренции* – еще одной центральной теме речей Кэмерона. В основном Кэмерон имеет в виду конкуренцию европейской экономики с развивающимися рынками: он отмечает, что Европа проигрывает ее по причине низкой эффективности Евросоюза. Основная причина замедления роста в Европе, по его мнению, – избыточные *правила* и регулирование, устанавливаемое европейскими институтами для всех стран. Усилия по *гармонизации* внутреннего рынка Европы приводят к ненужным и вредным последствиям, убивающим экономическую инициативу и вызывающим раздражение и ненависть у европейцев разных стран, включая британцев.

Отдельного внимания заслуживают отношения между *народом*, *нацией* и *государством*, которым дает определение Кэмерон в своей речи. Нацию он понимает как экономико-политическую общность, представляемую государственными институтами, прежде всего, парламентами демократических стран Евросоюза. Народ – общность людей, проживающих на определенной территории. Политик отмечает, что многие положения об обязательствах государств друг перед другом, лежащие в основе договоров о Евросоюзе и используемые Европейским судом для решения споров о разных аспектах экономической интеграции, нужно понимать как относящиеся к европейским *народам*, а не *государствам*. По его мнению, то, что написано в договорах по поводу дружбы народов, не должно связывать государства, которые представляют эти народы. Кэмерон предлагает отказаться от дальнейшего углубления интеграции государств в рамках европейских институтов, так как, по его мнению, исходные договоры были поняты неправильно.

Теперь сравним, как представлен Евросоюз, а также отношения между европейской и британской идентичностью, в речах Терезы Мэй. Для Мэй Евросоюз – это неизменяемая данность. Переговоры, обещанные Кэмероном, уже прошли и имели свои результаты, с кризисом еврозоны Евросоюз в целом справился и изменился в результате этого, и решение о выходе из Евросоюза уже принято, поэтому уже нет возможности говорить о разных вариантах будущего Евросоюза: Евросоюз осмысливается как существующий без Британии. Мэй подчеркивает свое желание сохранить дружественные отношения с Евросоюзом, говорит, что не хотела бы, чтобы выход Британии из Евросоюза повлек за собой «цепную реакцию» выхода других европейских стран; такое развитие событий противоречило бы интересам как Евросоюза, так и Соединенного Королевства.

Как и Кэмерон, Мэй подчеркивает, что, выходя из Евросоюза, Британия остается в *Европе* географически и сохраняет европейские *ценности*, которые были ей присущи задолго до вступления в Евросоюз, а также дружеские и союзнические связи с европейскими странами. Выход из Евросоюза она рассматривает как возможность для Британии открыться *миру*, завязать более тесные торговые и иные отношения со странами, находящимися за пределами Евросоюза (США, Индия, Пакистан, Бангладеш и др.). Как и Кэмерон, Мэй считает, что Евросоюз препятствовал налаживанию подобных связей. При этом для нее важен статус Британии как «торгующей нации». Вопросы развития торговли занимают большое место в ее речи; она полагает, что без ограничений, налагаемых Евросоюзом, Британия сможет увеличить долю международной торговли в своем ВВП.

Мэй говорит, с одной стороны, о британской единой *нации*, но, с другой стороны – уделяет много внимания важности четырех *наций* внутри британского королевства. Она называет свое государство *Союзом* наций, подчеркивая, что предоставление этим нациям слова по поводу вопросов брекзита приведет к их сплочению перед лицом новых вызовов, и много говорит о значении единства. Мэй отмечает, что Евросоюз в своей политике не смог принять во внимание *разнообразие* стран-членов, их интересов и возможностей, что и предопределило его кризисное состояние и выход из

союза Британии. Евросоюз не смог проявить достаточно *гибкости*, чтобы учесть разницу в подходах к интеграции различных европейских стран. Здесь Мэй ссылается на речь Кэмерона, выразившего надежду на то, что Евросоюз найдет возможность проявить такую гибкость. В исторической ретроспективе она констатирует, что, несмотря на значительные и в некотором смысле плодотворные усилия Кэмерона по донесению британской позиции до европейских чиновников на переговорах с Евросоюзом, последний так и не сумел проявить достаточно гибкости, чтобы британские граждане оценили это на референдуме. Мэй, однако, выражает надежду на то, что выход Британии заставит Евросоюз пересмотреть свой подход, и некоторые из предложений Кэмерона по реформе Евросоюза будут воплощены в жизнь. В отличие от Кэмерона, она утверждает, что выход из Евросоюза поможет британцам лучше добиваться соблюдения своих *национальных интересов*, о чем следует помнить на переговорах с Евросоюзом и при выстраивании сотрудничества со странами, не входящими в Евросоюз.

Борис Джонсон также много говорит о *Европейском союзе*. Он постоянно подчеркивает, что Евросоюз своими мерами тормозит развитие Британии. При этом выход из Евросоюза вовсе не означает также выхода из *Европы*: Британия остается в Европе географически, а также по причине наличия прочных *культурных и исторических* связей. Выход из Евросоюза нужен не для того, чтобы отрезать Британию от мира, а, напротив, чтобы укрепить ее связи с миром (повторение аргумента Мэй о «Глобальной Британии»). Джонсон утверждает, что Британия навсегда останется частью европейской *цивилизации*. Разговор о цивилизации и об особенностях британского народа, уходящих корнями в глубокую древность – то, что заметно отличает выступления Джонсона от выступлений предшественников.

Джонсон упоминает, что люди испытывают разного рода *страхи* в связи с предстоящим выходом Британии из Евросоюза; отмечает, что многие из этих страхов уже оказались необоснованными, что привело к смягчению антагонизма в обществе. При этом он признает, что множество проблем сохраняют актуальность, и многие люди только укрепились в своей радикальной проевропейской позиции.

Джонсон позиционирует себя как сторонника интернационализма, подразумевающего открытость Британии миру. В этом он противопоставляет себя националистам, таким как Найджел Фарадж. Он критикует Евросоюз как протекционистский институт с позиций доктрины фритрейдерства. Но эта риторика не отменяет влияние дискурсивной позиции, или идеологической конструкции экономического национализма на содержание его речи: требование установления национального контроля над рынками труда и капитала и обоснование этими требованиями выхода из интеграционных институтов являются основами экономического национализма как идеологии и политэкономического подхода, и эти идеи, которые появлялись в речи Мэй, занимают такое же значимое место и в речи Джонсона.

Главное, что отличает речь Джонсона от речи Мэй – эксплицитное противопоставление практик элитизма и популизма. Европейских чиновников Джонсон представляет как элитистов, далёких от нужд и чаяний простого народа. В тех же красках он описывает и сторонников сохранения Британии в составе Евросоюза – правда, здесь речь идёт о ситуации после референдума 1975 г. В современной же ситуации Джонсон выражает желание пойти навстречу гражданам, которые фрустрированы результатами референдума 2016 г.: он говорит, что их чувства вызваны желанием процветания для Британии, которое он разделяет. Этот интерес к чувствам простых избирателей и противопоставление им нечувствительной элиты – нечто новое, что привносит в дискурс о брекзите Джонсон.

Политические идеологические конструкции, которые использует Джонсон – это экономический либерализм (с его позиций критикуется Евросоюз как протекционистский блок, препятствующий свободной торговле) и экономический национализм, объединяющий его подход с подходом Мэй. При этом существенное отличие речей Джонсона от речей прежних премьер-министров – заметный поворот к популизму.

Наглядно различия в дискурсивных репрезентациях Британии и Евросоюза представлены в таблице.

Различия в дискурсивных репрезентациях Британии и Европейского союза

Премьер-министры	Европейский союз	Британия	Репрезентации третьего уровня
Дэвид Кэмерон	Многомерен: распадается на позитивный образ прошлого, негативный образ в настоящем и два варианта будущего: позитивный и негативный	Государство-член Европейского союза, внесло значительный вклад в его развитие, с разочарованным народом	Экономический либерализм
Тереза Мэй	Однозначно негативный фактор в развитии Британии – протекционистский институт, мешающий свободной торговле	«Глобальная Британия» – нация, не нуждающаяся в интеграционных группировках для поддержания прочных международных связей	Экономический либерализм, экономический национализм
Борис Джонсон	Иностранные высшие круги, оторванные от простого британского народа и подчиненные интересам международных элит	Самодостаточная нация, неотъемлемая часть европейской цивилизации, которая останется такой независимо от (не)участия в интеграционных группировках	Экономический либерализм, экономический национализм, популизм

* * *

Взаимоотношения Евросоюза и Британии, а также британской и европейской идентичностей отражаются в речах британских премьер-министров и членов Консервативной партии в разное время и при этом значительно различаются. При этом можно заметить единый тренд, которому подчинены такие изменения: поворот от экономического либерализма к экономическому национализму и затем к популизму определяет усиление эссенциалистских настроений, а также изменение отношения к Евросоюзу: там, где у Кэмерона оно многомерное, у Джонсона скорее – односторонне-негативное.

Относительная значимость способов конструирования политической реальности брекзита британскими консерваторами определяется посредством выяснения того, какие идейные репрезентации, касающиеся брекзита, доминировали в дискурсе в каждый момент времени. Сравнение ситуаций в дискурсе на разных временных срезах позволяет выявить динамику: какие репрезентации закрепились в дискурсе и упрочили свои позиции, а какие потеряли свою прежнюю значимость. Мы говорим об относительной значимости репрезентаций, то есть о значимости разных репрезентаций относительно друг друга, а также о сравнительной значимости одних и тех же репрезентаций на разных временных срезах. Мы подразумеваем, что тот метод конструирования реальности, который усилил свои позиции в дискурсе, и является более значимым, а факт усиления его позиций устанавливаем посредством интерпретации релевантных репрезентаций, выявленных в дискурсе.

В речи Кэмерона содержится попытка осмысления борьбы разных политических тенденций в Консервативной партии Великобритании и в британском обществе, а также попытка примирить эти тенденции в рамках идеологической парадигмы, господствовавшей долгое время до брекзита и начавшей радикально меняться после референдума. У Кэмерона отсутствовали элементы популизма и экономического национализма; он доказывал необходимость проведения референдума о выходе Британии из состава Евросоюза с позиций экономического неолиберализма. Этот политико-идеологический подход занимал доминирующие позиции, и в его логике осмыслялись все базовые репрезентации. Элементы других подходов были незначительны.

В речи Мэй все еще сильны позиции экономического либерализма, но при этом появляется экономический национализм как новый способ конструирования политической реальности. Этот способ является наиболее значимым на описываемом этапе, поскольку в нем содержится вся дискурсивная новизна – то, что отличает партийный дискурс периода Мэй от дискурса периода Кэмерона. Экономический национализм существовал и раньше, но именно при Мэй он начинает занимать доминирующее положение в партийном дискурсе консерваторов, и потому мы оцениваем его как более значимый.

В речи Джонсона в дополнение к экономическому национализму находим также сильные элементы популизма, который видимым образом отсутствовал в речах более ранних консервативных премьер-министров. Поворот к популизму на самом высшем уровне является индикатором серьезных изменений в партийном дискурсе. Популизм помогает обосновать принятие самых радикальных мер, когда обычные меры представляются исчерпанными, и он наиболее значим в дискурсе Консервативной партии периода правления Джонсона. Также замечаем более сильное влияние эссенциализма на содержание речей Кэмерона: он часто обращается к делам давно минувших дней и доходит даже до напоминаний о том, что в доисторические времена Британия имела сухопутный «мост» с Европой.

В общем виде выявленную логику можно обозначить как поворот от центристских идей к правым идеям и от элитизма к популизму. Это подтверждает предположения исследователей о подъеме популизма (Springford & Tilford, 2017; Соколыцкий, 2019) и позволяет увидеть глубокие дискурсивные причины и основания для смены практической политики. Этот поворот в дискурсе мы показали посредством дискурс-анализа, а в политике он показан в исследованиях party politics и восстанавливается из исторического контекста.

Хотя термин «британская нация» довольно редко встречается в рассмотренных текстах в явном виде, нет сомнений в том, что авторы этих текстов всегда предполагали существование этого термина в своих выступлениях. Политики настоятельно подчеркивали уникальность Британии. Восприятие британской идентичности в различных контекстах содержало элементы, основанные как на государственном, так и на культурном уровне. Они опирались не только на концепцию гражданства и представление о политических достижениях и институциональных практиках британского общества, но и на достижения культуры, предполагаемые общие свойства в разных областях жизни. Даже первоначально определяя свое национальное членство исключительно с точки зрения гражданства, политики обычно упоминали культурные и эссенциалистские особенности принадлежности к британской нации.

Основными элементами государственной национальной идентичности в рассмотренных текстах были: гражданство; экономические и социальные достижения последних десятилетий, в частности, рост британского участия в международной торговле, расширение социальных программ; политический мир (важный вклад британцев в строительство мира в рамках ЕС); идея «Глобальной Британии», а также внутреннее расовое и этническое разнообразие британского общества. Культурные национальные особенности, упомянутые политиками в рассмотренных текстах, включали достижения в области культуры, искусства и науки, «британский менталитет», часто упоминается природная склонность британцев к глобализму.

В речах премьер-министров популярна эссенциалистская концепция «британского народа», основанная на культурных элементах, таких как менталитет, характер и поведенческий настрой британского человека. В нескольких случаях понятие «британский народ» фактически влекло за собой идею общего происхождения и понятия «врожденная национальность». Некоторые из авторов текстов описывали «британский народ» как мультикультурный коллектив, возникший из плавильного котла Британской империи, и закономерно считали, что современная Британия также может быть мультикультурной в аналогичном смысле. Наиболее часто упоминаемыми объектами национальной гордости были: британская география; политические и социальные достижения британского общества; безопасность; британская культура.

Подытожим общее и различное в выступлениях политиков-консерваторов. В качестве общего можно выделить: склонность всех британских премьер-министров в рассмотренных речах говорить о природной склонности британцев к глобализму и интернационализму и противопоставлять эту склонность националистическим тенденциям, свойственным дискурсу радикальных партий, таких как UKIP; все премьер-министры также считают нужным подчеркнуть связи Британии с Европой – исторические, культурные, цивилизационные и прочие; выход Британии из ЕС отнюдь не означает выход из Европы.

Что касается различий, то их гораздо больше, и связаны они с разницей в исходных идеологических концепциях. Эти различия обусловлены разным видением будущего и требованием самостоятельности для Британии в принятии политических решений, в контроле над миграцией, рынками труда и капитала: это требование в дискурсе Консервативной партии постепенно усиливается так же, как и склонность политиков при каждом удобном случае ссылаться на народ и представлять себя выразителями интересов широких слоев населения, в противовес «элитариям» из других политических группировок. Политики в рассмотренных выступлениях все больше и больше претендовали на выра-

жение взглядов широких слоев британского общества на должные взаимоотношения Британии и Евросоюза, британской и европейской идентичности.

В статье представлены результаты исследования, проведенного автором в ходе подготовки магистерской диссертации. Полный текст диссертации размещен на сайте НИУ ВШЭ (<https://www.hse.ru/edu/vkr/362548430>).

Список литературы / References

- Громыко, Ал. А. (2016) 'Великобритания: новая политическая ситуация', *Современная Европа*, 2, сс. 56–60. [Gromyko, Al. A. (2016) 'The United Kingdom: new political situation' [Velikobritanija: novaja politicheskaja situacija], *Contemporary Europe*, 2, pp. 56–60. (In Russ.)].
- Громыко, Ал. А. (2017) '«Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка' в: Громыко Ал. А. (2017) *О насущном: Европа и современный мир*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, сс. 192–201. [Gromyko Al. A. 'New Populism and the Post-Cold War Order in the Making' [«Novyj populizm» i stanovlenie postbipoljarnogo mirovogo porjadka] in: Gromyko, Al. A. (2017) *About the essential: Europe and the modern world*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-History, pp. 192–201. (In Russ.)].
- Соколыщик, Л. (2019) 'Запад в точке бифуркации: современный популизм как вызов либеральной демократии политики', *РСМД*, 31 окт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-v-tochke-bifurkatsii-sovremennyy-populizm-kak-vyzov-liberalnoy-demokratii/> (дата обращения: 15.05.2020). [Sokolshchik, L. (2019) 'The West at the Bifurcation Point: Modern Populism as a Challenge of Liberal Democracy' [Zapad v tochke bifurkatsii: sovremennyy populizm kak vyzov liberal'noj demokratii politiki], *RIAC*, 31 oct. [online]. Available at: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-v-tochke-bifurkatsii-sovremennyy-populizm-kak-vyzov-liberalnoy-demokratii/> (Accessed: 15.05.2020). (In Russ.)].
- Dunn, K. C. and Neumann, I. B. (2016) *Undertaking Discourse Analysis for Social Research*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press. DOI:10.3998/mpub.7106945.
- Gilpin, R. (1987) *The Political Economy of International Relations*. Princeton University Press.
- Hansen, L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War* (New International Relations). L.: Routledge.
- Mudde, C. (2004) 'The Populist Zeitgeist', *Government and Opposition*, 39(4), pp. 542–563, DOI: 10/1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
- Norris, P. and Inglehart, R. F. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Norris, P. and Inglehart, R. F. (2016) 'Trump, Brexit and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash', *HKS Working Paper*, RWP16-026, July 29 [online]. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=2818659> (Accessed: 15.05.2020), DOI: 10.2139/ssrn.2818659.
- Springer, S. (ed.) (2016) 'An introduction to neoliberalism' in: *The handbook of neoliberalism*. New York, pp. 1–15.
- Springford, J. and Tilford, S. (2017) 'Populism – culture or economics?', *Centre for European Reform*, 30 oct. [online]. Available at: URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/insight_JS_ST_30.10.17.pdf (Accessed: 22.05.2020).
- The Discursive Construction of National Identity* (2009), Wodak, R. (ed.) Second edition. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.11.2020

Статья принята к печати: 25.01.2021

**CONSTRUCTION OF THE BRITISH NATIONAL IDENTITY IN RELATION TO BREXIT:
EVOLUTION OF THE DISCOURSE OF THE PRIME MINISTERS OF THE UNITED KINGDOM**

I. V. Kazakov

I. V. Kazakov, Postgraduate student of the Department of Politics and Governance,
National Research University “Higher School of Economics”, Russia. Moscow,
Assistant at the Department of Foreign Languages for non-linguistic areas,
Pskov State University.
E-mail: i.v.kazakov@list.ru (ORCID: 0000-0003-2673-8161).

Abstract

The discursive reality of Brexit had its effects on the discourse of the British Conservative Party which is important as the latter plays a key role in the process of making political decisions. The article discusses the components of the British national identity linked with the UK's membership in the European Union and Brexit as a political process. The UK's case is unique as it allows us to trace the identity transformation during the process of withdrawal from this integration group. The author chooses the constructivist approach and post-positivist discourse analysis as the main method. The paper studies the speeches of conservative politicians and parliamentary debates to analyze the changes in the discourse of the Conservative Party during the terms of the UK's last three prime ministers. The discursive layers are highlighted: basic concepts, basic political orientations and extratextual ideological constructions used by conservative politicians to construct reality. The author traces the transformation of ideological constructions of the conservative party's discourse and consecutive changes in the significance of individual elements of the British national identity in the discourse. The paper examines relations between British and European identities, between the images of Britain and the EU in the discourse of British conservatives.

Keywords: discourse; identity; Conservative party; representation; Britain; European Union; Brexit.